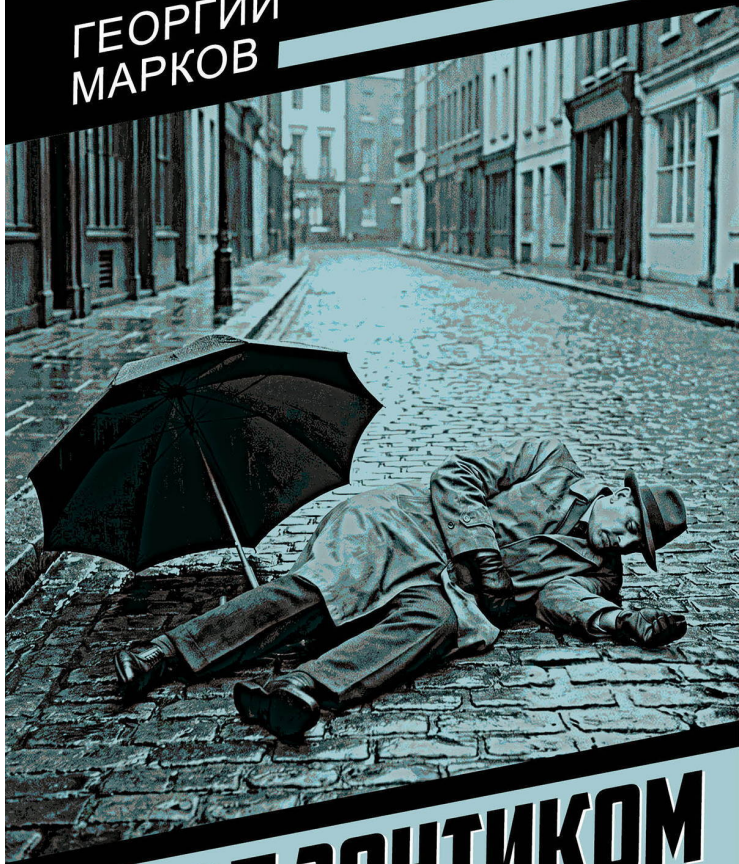

ГЕОРГИЙ
МАРКОВ

УКОЛ ЗОНТИКОМ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Георгий Иванов Марков

Укол зонтиком

Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74368836

Укол зонтиком:

ISBN 978-5-00269-496-9

Аннотация

Известный болгарский ученый Родованов, находящийся в преддверии важного открытия, неожиданно оказывается в больнице на грани между жизнью и смертью. Для спасения профессора нужна немедленная операция на мозге, но для ее проведения необходимы препараты радиоактивного цезия. Этот цезий срочно доставляют из Советского Союза на самолете, но когда все готово к операции, оказывается, что кто-то похитил бесценный материал прямо из операционной. Сделать это могли только пять человек...

Номерной научно-исследовательский институт. Профессор Петков уже больше года безуспешно работает над созданием материала, способного защитить от радиоактивного излучения. Конечно же, такие работы не могли оставить без внимания западные шпионские центры. Лишь случайная находка – зелёная дамская шариковая ручка с радиоактивной пылью, обнаруженная

мальчиком Ваней под окнами института, – становится ключом к разгадке.

Сюжеты повестей «В поисках цезия» и «Зеленая ручка», вращающиеся вокруг токсичных веществ, заиграли новыми красками после того, как их автор, болгарский писатель Георгий Марков, бежавший из страны, был убит агентом болгарской разведки с помощью зонтика, в наконечник которого была вмонтирована капсула с отравляющим веществом.

Содержание

В поисках цезия	6
1	6
2	18
3	22
4	28
5	39
6	45
7	53
8	57
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Георгий Марков

Укол зонтиком

© ООО «Издательство Родина», 2026

В поисках цезия

1

За пятнадцать минут до того как большие стенные часы в коридоре больницы пробили восемь часов вечера, состояние известного профессора-биолога Кирилла Родованова ухудшилось. Пульс катастрофически падал.

Дежурный врач Васильев, встревоженный, поднял телефонную трубку и попросил соединить его с главным хирургом. Мягкий бас доктора Попова ответил:

– Иду!

Васильев вернулся в палату и, не отводя взгляда от лица больного, взял его руку, чтобы снова проверить пульс. Профессор дышал часто, словно задыхаясь.

Родованов, старик лет семидесяти, был слаб и сгорблен больше, чем люди в его возрасте. Его руки, лежавшие поверх одеяла, так высохли, что казалось, будто посиневшая кожа обтягивает одни кости. Из-за глубоких морщин его продолговатое, аскетическое лицо выглядело неприятным и суровым. Болезнь иссушила Родованова, и он стал похож на мертвеца.

Всего несколько дней назад это был совсем другой человек. Энергичный, бодрый, он вдохновенно читал лекции,

размахивая руками и подпрыгивая, как юноша, охотно шутил со студентами и увлеченно, самозабвенно раскрывал перед ними тайны своей науки. Между прочим, он всегда говорил, что непременно доживет до девяноста лет. Родованов славился изумительной работоспособностью и неизменным оптимизмом, и поэтому всех удивила его неожиданная болезнь – кровоизлияние в мозг, вызванное умственным перенапряжением. Состояние профессора непрерывно ухудшалось.

На спешно собранных консилиумах видных специалистов этот случай был признан почти безнадежным. Возможность спасти знаменитого ученого считалась ничтожной. Тогда его лечением занялся главный хирург больницы доктор Попов. Последним достижением науки было проведение при подобных заболеваниях сложной операции: вскрывали черепную коробку, перевязывали кровоточащий сосуд и производили радиоактивное облучение. Облучение было необходимо для успешного проведения операции, так как гамма-лучи, испускаемые со строго определенной частотой, способствовали всасыванию крови.

Предоставленный заботам доктора Попова, Родованов был помещен в специальное отделение больницы.

Васильев ходил около кровати, глядел на больного и размышлял: «Как неожиданно все получается! Еще вчера был здоров, работал, ни о чем не подозревая, а сейчас умирает, и это конец!.. Наверное, он мечтал создать новую теорию, про-

вести массу всевозможных исследований, но... Чего только не случается!».

Он вспомнил, как несколько лет назад, еще студентом первого курса, он сбежал с практических занятий по вскрытию – такое отвращение вызывали у него трупы. А сейчас? Даже очаровательная медсестра Антонова говорит: «Вы, доктор Васильев, оперируете с олимпийским спокойствием».

Подумав об Антоновой, он улыбнулся и сказал про себя: «Какая замечательная женщина!»

Васильеву стало так хорошо, что он забыл о состоянии Родованова. В последнее время он все чаще думал о медсестре. Вначале он не обратил на нее внимания, но сейчас... Сейчас было иначе. Ее близость волновала Васильева, он не мог хладнокровно смотреть на нее и смущался, как мальчик.

Дверь с шумом распахнулась, и в палату быстро вошел доктор Попов в сопровождении посетителя, на плечи которого был кое-как наброшен белый халат.

Главный хирург был настоящим исполином, с огромной головой, мохнатыми бровями и редкими седыми волосами. Он выглядел уверенным и спокойным, словно ему предстояло сделать что-то обычное, ничем не примечательное. Среди своих коллег доктор Попов пользовался двойственной репутацией – чудака и в то же время невероятно смелого человека, всегда готового пойти на риск. Пренебрегая элементарным благоразумием, он не раз рисковал своей карьерой вра-

ча. Эти качества сделали Попова очень популярным, а пациенты боготворили его. Больные говорили о нем так:

– Уж если и доктор Попов бессилён, то никто больше не поможет!

Незнакомец, вошедший в палату вслед за доктором Поповым, был в очках с золотой оправой, из-под которых тревожно глядели зеленоватые глаза. В отличие от доктора он покраснел от возбуждения, бородка у него нервно тряслась, как будто он только что закончил длинную, утомительную речь. Войдя, он бросился к больному, склонился над ним и испуганно воскликнул:

– Доктор, ему очень плохо!

Попов ничего не ответил, отбросил одеяло, поднял костлявую, посиневшую ногу профессора и ладонью начал постукивать где-то под коленом. Нога оставалась неподвижной. Затем главный хирург спокойно произнес:

– Доктор Васильев, это ассистент профессора Родованова, кандидат биологических наук Симанский.

Незнакомец кивнул головой, протянул руку и быстро заговорил:

– Есть ли какая-нибудь надежда? Я ещё хочу надеяться, но все убеждены, что профессор не проживёт и трёх дней. Его супруга в отчаянии... И как это он разболелся именно сейчас! Он так необходим науке... Доктор, вы должны спасти его!

Симанский говорил взволнованно, и было видно, что он

сильно переживает.

Васильев вопросительно взглянул на Попова. Он знал, что главный хирург не выносит сентиментальной болтовни, и ожидал резкого ответа.

– Товарищ Симанский, – сказал Попов, внимательно глядя на него и отчеканивая каждое слово, – мы сделаем все необходимое. Правительство озабочено состоянием профессора. Должен сказать, что в его возрасте при этой болезни надежда на спасение невелика. Как вам известно, мы ожидаем прибытия из Советского Союза самолета с радиоактивным цезием. Без него мы ничего не можем сделать. Если самое позднее через десять часов операция не начнется, все усилия будут напрасными. Мне кажется, теперь вам все ясно?

Симанский почтительно выслушал объяснения и сказал:

– С профессором мы всегда были вместе. Некоторое время я даже жил у него и стал почти членом их семьи! От имени супруги профессора очень прошу вас разрешить мне остаться на ночь здесь, у его постели. Я хочу присутствовать при операции и, если понадобится, чем-нибудь помочь...

– Едва ли будет нужда в вашей помощи, – снисходительно ответил Попов.

– Но все же... профессор меня всегда звал, когда болел...

– Ну, если вы так настаиваете, оставайтесь, – согласился главный хирург. – Сожалею, что не могу предложить вам поужинать, так как из кухни все уже ушли. Да и ваше самопожертвование будет полнее, если вам придется немного пого-

лодать, – иронически добавил он.

– Что вы, пожалуйста, – махнул рукой биолог без всякой обиды. И он начал читать больничный листок, прикрепленный к кровати.

Два врача сделали больному инъекцию. Через несколько минут тот спокойно повернулся и затих.

Попов должен был спуститься вниз, в свой кабинет, и оставил профессора на попечение своего молодого помощника.

Васильев чувствовал себя неловко в присутствии незнакомого ему Симанского. Ему казалось, что кандидат наук сомневается в его знаниях. Сидя у окна, биолог внимательно, с легкой насмешкой следил за его работой, и это задевало Васильева. Без всякой необходимости, чтобы как-то скрыть неприязнь к гостю, он снова стал прощупывать пульс у больного.

– Вы здесь давно работаете? – спросил наконец Симанский. Его озабоченность судьбой профессора неожиданно быстро исчезла. Он встал со стула и начал ходить по палате.

– Шесть месяцев.

– Наверное, вас высоко ценят, если вам доверили жизнь такого, я бы сказал, драгоценного пациента, как профессор?

– Я ничего не делаю. Обыкновенное дежурство. Любая сестра справилась бы не хуже меня! – ответил врач.

– Вы, конечно, будете ассистировать при операции?

– Да.

– Вы одни?

– Нет, с двумя коллегами, которые сейчас внизу. Как только привезут цезий, немедленно начнем операцию.

– Другие ассистенты, разумеется, известные врачи? – снова спросил Симанский.

– Известные ли они, не знаю, но что они добросовестные и способные врачи – это несомненно! Доктор Горанов и доктор Калчев – отличные хирурги.

– Кажется, я их знаю, – неуверенно произнес Симанский и тотчас же прибавил: – Вообще я знаком со многими врачами. Ведь наши специальности довольно близки.

– А вы давно ассистентом у профессора? – в свою очередь спросил Васильев, хотя ему не хотелось продолжать разговор. Приходилось быть учтивым.

– Уже четыре года.

– Срок достаточный, чтобы сделать открытие! – шутливо заметил врач.

– Увы, открытия принадлежат профессору, а наш долг – работать для них, – ответил Симанский.

В этот момент дверь отворилась и показалась женщина с густыми русыми волосами и красивым белым лицом, на котором резко выделялись ярко покрашенные губы. В нежно-голубых глазах женщины застыло выражение какого-то подчеркнутого спокойствия и сосредоточенности, и это скрывало черты ее лица. Казалось, она в любой момент готова рассмеяться, но сдерживает себя и притворяется.

Улыбнувшись Васильеву, она кивнула головой и любезно спросила:

– Вы не видели доктора Горанова? Его разыскивают по телефону.

– Разве вы не знаете, что он внизу? – удивился Васильев, но его лицо просветлело, засияло, и ему очень захотелось сказать ей еще что-нибудь. Но женщина снова кивнула и вышла.

Симанский равнодушно взглянул на нее и, когда она закрыла за собой дверь, спросил:

– Кто это?

– Медсестра Антонова, – ответил Васильев. – Вы не знакомы с нею?

– Нет, – отрезал биолог. – Не люблю женщин! Для меня это люди второго сорта.

– Интересно! – засмеялся Васильев.

– Что здесь интересного?

– Как что? Вы биолог, а поддерживаете такую теорию!

Симанский махнул рукой, как бы говоря, что эта тема не заслуживает внимания. Они замолчали. Через некоторое время биолог подошел к кровати профессора, поглядел на него и, тяжело вздохнув, сказал:

– Понимаете, никто из близких профессора не верит, что его можно спасти. И консилиумы пришли к такому же заключению...

– Не знаю, – ответил Васильев. – Все выяснится только

после операции. Нет безнадежных случаев – все в руках человеческих.

– Величайший ученый страны!.. Да вы, вероятно, и не знаете, как его ценят за границей, – со скорбной улыбкой сказал Симанский. – Этот умирающий человек дал миру больше, чем тысячи таких, как я и вы! Учение о микропроцессах, теория об устойчивости организмов, учение об ускорении процессов размножения, новые открытия в генетике... Венцом его» работы, которую он не успел завершить, являются методы стимуляции заживления ран. – Симанский говорил печально и несколько снисходительно.

- Вы говорите, как на похоронах, – заметил врач.
- В сущности, их не избежать...

– Все решит прибытие цезия, – возразил Васильев, уверенный, что только от этого зависит эффективность операции и жизнь профессора.

– А если не прибудет? – спросил биолог. – В такую ненастную погоду вряд ли кто-нибудь решится лететь из Советского Союза в Болгарию. Только чудом цезий можно получить вовремя.

– А я верю, что мы его получим. Непременно получим! Его послали со специальным самолетом.

– Погода одинакова для всех самолетов, – с едва заметной иронией ответил Симанский и восторженно добавил: – Впрочем, советские летчики великолепны!

Васильев внимательно посмотрел на него. Вдруг приглушенно зазвонил телефон.

– Доктор Васильев, – послышался голос Попова, – получено сообщение, что через сорок минут привезут цезий. Поезжайте за ним на аэродром. Вас заменит доктор Калчев. Возьмите кого-нибудь с собой. Ваши документы готовы.

Васильев повернулся к Симанскому.

– Самолет прибывает! – торжествующе объявил он.

– Наконец-то! – воскликнул ассистент с внезапной радостью. – Теперь появилась надежда. Никто не поверит, что в такую погоду можно летать. Летчик просто герой!

– А я поеду за цезием, – сказал Васильев и взглянул на часы. Ему нужно было дожидаться доктора Калчева.

– Возьмите кого-нибудь с собой, не ездите одни. Кто зна-

ет, что может случиться, – с беспокойством предложил Симанский. – Если хотите, я поеду с вами. Это вопрос жизни, да еще какой жизни!

Васильев насмешливо улыбнулся.

– Видно, вы начитались приключенческих и детективных историй! Я не вижу ничего опасного в поездке на аэродром. Мы живем...

– ...В такое время, когда враг интересуется всем! – добавил Симанский, и его очки блеснули.

– У вас богатая фантазия! Ну что же, попросите доктора Попова. Если он разрешит, пожалуйста, охраняйте меня.

Симанский вышел, чуть не столкнувшись в дверях с маленьким, подвижным доктором Калчевым.

– Беги, Васильев, беги, – заторопил Калчев своего молодого коллегу. – Каждая минута дорога!

Больной по-прежнему был без сознания.

Васильев получил бумаги и вышел на улицу. Там его ожидала уже заведенная санитарная машина. Рядом с шофером сидел Симанский.

– Надо спешить! – нетерпеливо воскликнул он.

И «скорая помощь» помчалась по улицам.

Шел проливной дождь. Шоссе было погружено в непроглядную темень. Только блеск молний время от времени озарял разбросанные по сторонам шоссе одинокие дома. Даже на поворотах машина мчалась с такой скоростью, что Симанский закричал шоферу:

– Здорово ведешь, черт, но смотри не угрожь нас!

Уставший от продолжительного дежурства Васильев откинулся на сиденье и лениво глядел по сторонам. Весь день он провел в больнице. Главный хирург старался как можно больше держать его около себя. Васильеву льстило внимание Попова: очень немногие врачи пользовались доверием доктора. Знаменитый хирург придирчиво относился к окружающим. С каждой новой операцией росло у молодого врача восхищение учителем, его удивительным талантом. Все в больнице нравилось Васильеву, и он считал ее своим домом, частью своей жизни. Сколько волнений, сколько тревожных часов и беспокойных ночей пережил он в этом доме, где жизнь вела упорную борьбу со смертью...

Но не только работа привязывала молодого врача к больнице. Медсестра Антонова! И сейчас, по дороге на аэродром, Васильев досадовал, что не пригласил Антонову поехать вместе с ним и должен был терпеть компанию неприятного ему Симанского.

Машина остановилась у низкого продолговатого здания. К ним подошел человек в черном плаще.

– Из больницы?

– Да.

– Документы!

Они протянули свои бумаги.

– Самолет прибыл, товарищи. Вон он там! Летчик прямо герой! – с восхищением говорил человек в плаще. – В такую погоду немногие решились бы лететь!

Васильев и Симанский пошли к зданию.

В комнате, куда они вошли, был только один человек. Перед ним на столе лежал небольшой сверток в станиолевой обложке.

Симанский попробовал поднять его.

– Ого, какой тяжелый! – воскликнул он. – Упаковка, наверное, из свинца.

– Вам придется подождать минут десять, чтобы выполнить кое-какие формальности, – извинился служащий. – Мой коллега пошел оформить получение.

– Но мы не можем терять время, – напомнил Симанский. – Речь идет о человеческой жизни!

– Тогда пусть один из вас останется, а другой едет, если вы так спешите, – примирительно сказал служащий.

– Я возьму посылку, а вы, Симанский, оформите получение, – сказал Васильев.

– Конечно, – сразу же согласился Симанский, – поезжай-

те. Увидимся в больнице. Я же говорил, что спутник необходим!..

Через пятнадцать минут машина снова была в центре города. Улицы совсем обезлюдели, хотя дождь несколько утих. Искусно маневрируя, шофер довел машину до главной улицы, которая вела к больнице. Машина мчалась уже с меньшей скоростью.

Вдруг шофер резко затормозил. Сильный толчок бросил Васильева вперед. На машину чуть не налетел грузовик. Только благодаря отличным тормозам удалось избежать катастрофы.

– Идиоты! – ударившись лбом о ветровое стекло, закричал шофер и обернулся к Васильеву – Как вы, доктор?

– Ничего, – сквозь зубы ответил Васильев. – Сможем ли ехать дальше?

– Подождите, я их... – шофер выскочил из машины.

– Остановитесь! Эй! Дикари! – закричал он вслед грузовику, но тот сделал резкий поворот, увеличил скорость и исчез в темноте.

Шофер еще раз выругался и вернулся к машине.

– Хоть бы номер заметили!

– Я успел увидеть только две последние цифры – «32», – сказал Васильев, который наблюдал через окно за удалявшимся грузовиком.

Они тронулись в путь.

Только теперь врач почувствовал, как больно ему левую

руку. При свете уличного фонаря он увидел, что по руке течет кровь. Боль становилась нестерпимой, но он стиснул зубы и молчал.

Ослепительный свет операционной утомлял глаза, не привыкшие к такому освещению. Старшая хирургическая сестра быстро заканчивала последние приготовления к операции.

В это время в соседней комнате – процедурной – доктор Попов и доктор Васильев разглядывали полученный из Советского Союза цезий – четыре тонкие синеватые проволоочки в четырех стеклянных пробирках. Все они были уложены в тяжелую свинцовую коробку.

– Радиоактивный цезий! Сейчас он выделяет электроны, альфа-частицы и гамма-лучи. Нам необходимы гамма-лучи. Их концентрация в этих проволочках невелика, иначе они были бы смертельно опасны для любой живой ткани, и ни я, ни вы не наблюдали бы их с таким спокойствием, – объяснял главный хирург.

Васильев молча слушал. Рука у него сильно болела. Но разве можно говорить об этом доктору Попову сейчас, перед такой тяжелой операцией? Он решил молчать. К тому же его занимало совсем другое. Проходя через перевязочную, он услышал, как Симанский говорил Антоновой:

– Мария, все будет очень просто! Она ответила:

– Я боюсь! Тогда он сказал:

– Мне кажется, тебе не нужно напоминать...

Что «напоминать», Васильев уже не слышал.

Наверное, он не обратил бы на это внимания, если бы час назад Симанский не сказал ему, что он не знаком с Антоновой. Выходит, они давно и хорошо знают друг друга.

«Может быть, они любят друг друга, и ей неудобно признаться мне в этом. Ведь как-никак я ее начальник! Но все равно, она должна была сказать мне...» – подумал он и поспешил уйти. Он ненавидел подслушивание.

Васильеву было тяжело. Он любит Марию, так привязан к ней, они уже объяснились, и он верил ей, но сейчас...

– Как быстро развивается наука! – продолжал Попов. – Десять лет назад мы мало знали о мозговых процессах, у нас не было специалистов в области трепанации черепа, медицинская техника была крайне примитивной, а теперь мы применяем радиоактивные вещества, продолжительное лечение с помощью кобальта, плутония и еще более эффективное – с помощью цезия и стронция. Наша сегодняшняя операция имеет серьезное научное значение. Не хвастаясь, можно сказать, что результат ее будет вкладом в мировую науку... Профессора нужно спасти! Нужно!

Он испытующе взглянул на Васильева и продолжал:

– Родованов – большой ученый. Насколько я знаю, он работал над стимуляцией заживления ран. Это открытие огромного значения! Рана зарастает значительно быстрее... Как вы думаете, нужно его спасти, а? – главный хирург хотел пошутить, но Васильев почувствовал волнение, притаивше-

еся за его спокойствием и уверенностью.

– Пошли!

Войдя в палату, они увидели Симанского, который склонился над больным. Лицо его казалось испуганным.

– Доктор, он умирает, доктор! – биолог по-женски беспомощно развел руками. Из-под очков беспокойно блестели его зеленоватые глаза. – Вы знаете, кого мы теряем, какие великие тайны скрыты в этой голове! Мы стояли на пороге самого выдающегося открытия...

– Я уважаю талант профессора и его заслуги перед наукой, но незачем хныкать, – хладнокровно заметил Попов.

С раздражением глядя на биолога, Васильев думал: «Как может Антонова любить такого человека! Это же тряпка!»

– Я не хнычу, – произнес Симанский с чувством ущемленного достоинства. – Но это человек, которому я обязан всем, и я не могу хладнокровно...

– Выпейте воды! – прервал Попов и повернулся к нему спиной.

Вошел доктор Горанов – старый, опытный хирург с пятидесятилетней практикой. Попов пригласил его из другой больницы ассистировать при операции.

– Мне кажется, пора начинать, – тихо сказал он.

– Да, пора, – почтительно ответил Попов. Симанский снова приблизился к нему:

– Прошу вас разрешить мне присутствовать при операции. Вы же обещали!

– Хорошо, – согласился Попов и пошел к двери, но остановившись на пороге, предупредил – Только не хныкать!

В операционной стало еще светлее. Простыни на операционном столе блестели снежной белизной. Все были готовы. Наступила та торжественная тишина, которая обычно предшествует серьезным операциям, тишина напряженная и тревожная. Бывает, что человеческая жизнь повисает здесь на один миг на невидимом, очень тонком волоске, и этот миг кажется иногда дольше целой жизни...

Попов стоял у окна, погруженный в созерцание, и никто не смел тревожить его. Доктор Горанов, облокотившись на стул, протирал стекла своих очков. Доктор Калчев читал историю болезни, а Васильев и Антонова раскладывали инструменты. Позади всех стоял Симанский.

Бросая на Антонову тревожные взгляды, Васильев страстно хотел рассеять свои сомнения, но не решался нарушить тишину. Он говорил себе: «Какое значение имеют мои чувства по сравнению с тем, что мы должны сделать?»

Внесли больного. Попов обернулся.

– Начнем! – решительно произнес он и добавил – Принесите цезий!

Сестра вышла, но через несколько секунд вернулась и несколько удивленно сказала:

– Простите, но вы его взяли. Ампулы в коробке пусты.

Лицо Попова нервно передернулось.

– Что вы там говорите? Врачи переглянулись.

– Не взял ли цезий кто-нибудь из вас, товарищи? – беспоко-
койно, словно предчувствуя что-то дурное, спросила сестра.

– Вероятно, вы не разглядели, – улыбнулся Калчев и сам
отправился в соседнюю комнату.

Он пробыл там несколько дольше, чем сестра. Когда он
вернулся, лицо его было бледно, как полотно.

– Цезия действительно нет! – испуганно объявил он.

Все в замешательстве молчали.

– Как же так? Он был там несколько минут назад! Мы
с Васильевым рассматривали его! – гневно закричал Попов
и быстро пошел в процедурную, чтобы принести и показать
цезий.

Все отправились за ним. Около больного осталась только
сестра.

Действительно, в процедурной все было на своих местах,
как и в тот момент, когда Попов и Васильев рассматривали
цезий. Стекланные ампулы лежали на столе, но головки бы-
ли отбиты, а проволоочки исчезли. Свинцовая коробка оста-
лась нетронутой.

– А сами они не могли распасться? – осторожно спросил
Калчев.

– Как это распасться? Что за глупость? Кто-то взял их! –
воскликнул Попов и, глядя на всех, сказал:

– Кто их взял? Наступило молчание.

– Доктор, что же будет? – со страхом спросил Симанский
и взглянул на Васильева.

Молодой врач молчал, но лицо его странно изменилось. Он как будто пытался что-то понять.

– Больного верните в палату! – приказал Попов. Затем, обратившись ко всем, сказал: – Простите, товарищи, но вы должны остаться на своих местах. Никто не выйдет отсюда и не покинет больницу без специального разрешения. Все двери в отделении будут закрыты.

– Вы полагаете, что кража произошла сейчас? – спросил его доктор Горанов.

– Я убежден, что препарат еще находится в больнице, – громко ответил Попов, как будто желая испугать неизвестного ему вора.

– Ну и загадка, – пробормотал старый врач. – Столько лет работаю, но такая история случается со мной впервые.

Попов отправился в свой кабинет, и вскоре оттуда послышался его голос:

– Алло! Алло! Министерство внутренних дел! А в процедурной Симанский, ломая руки, повторял:

– Все кончено, все кончено! Так надеялись на цезий... Профессор умрет...

– Да будьте же мужчиной! – прервал биолога доктор Горанов, раздраженный его причитаниями.

– Но что же делать, доктор? – сказал Симанский, воздевая руки.

– Притворяться! – не глядя на него, многозначительно ответил Васильев.

В больницу прибыл полный, крепкий мужчина среднего роста в светлом плаще. Особенно примечательна была его голова, круглая, бритая, как у казаков, и лицо с выпуклыми скулами и ямочками на щеках. Даже когда он не улыбался, лицо его оставалось приветливым и веселым. Он был похож на слегка подвыпившего весельчака, только что покинувшего дружескую вечеринку.

Его сопровождал слабый на вид смуглый юноша, одетый по-летнему – в рубашке и коричневых парусиновых брюках.

– Отец, пропустишь меня? – остановившись у входа в больницу, спросил полный человек привратника.

– Нельзя! Приходите в приемный день от без четверти два до четырех, – ответил дядя Кочо, высокий старик с длинными, как у кузнечика, усами.

– Но доктор Попов пригласил нас в гости, – начал убеждать его полный человек.

– Доктор никогда не приглашает сюда гостей!

– Ну, а если у вас уже есть гости?

– Нет таких! Мы ни для кого не делали исключений, – категорически заявил дядя Кочо.

– Но сегодня вы сделали исключение для постороннего, – с улыбкой заметил незнакомец.

– Да, верно, но это же был... как его... ассистент профес-

сора, которого мы лечим, – вспомнил дядя Кочо.

– И другого пустили.

– Нет, никого другого не пускали!

В этот момент на лестнице показался доктор Попов.

– Подполковник Аврониев! – представился незнакомец и показал удостоверение.

Его спутник стоял позади.

Главный хирург повел Аврониева в свой кабинет, а юноша незаметно обошел коридор и осторожно ознакомился с устройством дома.

– Скажите, до какого часа вам необходим цезий? – спросил Аврониев Попова, внимательно выслушав его объяснения.

– До трех часов утра. После этого за результат операции нельзя будет поручиться.

– До трех часов... – повторил Аврониев, зажег сигарету и откинулся в кресле. Казалось, он не столько думал, сколько просто смотрел на доктора, разглядывал его кабинет, обстановку.

– Значит, никто не входил в больницу и никто не выходил отсюда? – неожиданно спросил Аврониев.

– Да, – ответил Попов, глядя на него с любопытством и с некоторым пренебрежением. Этот человек явно не внушал ему доверия. Он представлял себе, что приедет энергичный начальник, прикажет оцепить здание, начнет все перетряхивать, поднимет шум и проявит амбицию. А перед ним сидел

человек, которого, по-видимому, все это не особенно волновало и который, наверное, совершенно формально исполнял свой долг.

– Нельзя ли выйти из больницы так, чтобы не заметил привратник? – так же спокойно и небрежно спросил Аврониев.

– Нет.

– А войти с улицы и ждать во дворе?

– Это исключено – сторожа увидят.

Не докурив до конца сигарету, подполковник Аврониев погасил ее и снова спросил:

– У вас есть аппарат, с помощью которого можно обнаружить радиоактивность цезия? Я слышал о таком аппарате.

– Конечно, есть. Это счетчик Гейгера, но подробно о нем могут рассказать физики. У нас его нет, так как мы только что начинаем работать с радиоактивными материалами, – ответил Попов.

– Физики, говорите? – Аврониев протянул руку к телефону, но внезапно поднялся и вышел в коридор.

– Йозов! – позвал он своего помощника. – Сейчас же привезите сюда физика Балтова. Поезжайте к нему, вот, вам адрес. Если его нет дома, раздобудьте его где угодно и как можно быстрее. Перед выездом пусть позвонит по телефону в больницу, спросит доктора Попова.

Йозов побежал вниз по лестнице.

– Что вы думаете делать? – спросил Попов.

– Без науки ничего не выйдет, доктор! Но еще рано думать о том, как исчез цезий. Лучше поищите. Вдруг его где-нибудь оставили и забыли? – Аврониев насмешливо взглянул на Попова. – Бывают такие случаи!

– Все углы осмотрели. Остается только обыскать людей! – ответил тот и недовольно сжал губы: мысль об обыске была ему неприятна.

– Этого мы не сделаем, – с улыбкой возразил Аврониев. – Тот, кто взял цезий, если такой человек вообще существует, вряд ли захочет, чтобы мы нашли цезий у него в кармане. Плохо, что приходится действовать спешно и открыто. Но цезий надо найти до трех часов утра! Если бы не эта спешка, мы бы легко все раскрыли. А сейчас надо соблюдать осторожность, чтобы не упустить цезий. Назовите мне фамилии людей, которые были здесь сегодня вечером.

Попов начал перечислять всех, указывая при этом, когда кто пришел в больницу, что делал, что он думает об этом лице и что слышал о нем от других. Говорил он со скрупулезной точностью, сознавая, что каждая деталь может пригодиться следствию.

Когда Попов начал рассказывать о Симанском, Аврониев прервал его:

– Почему он пришел сегодня в больницу?

– Его послала жена профессора. Он хотел присутствовать при операции. Это против наших правил – мы не допускаем в операционную посторонних. Но он очень настаивал, и ко-

гда Родованова уверила нас, что он им очень близкий человек и что профессор ценит его, мы оставили его здесь, – ответил Попов, пытаясь оправдать самого себя. Но внутренне он ругал себя: «Какого черта я пустил его! Может быть, он ничего не сделал, но все равно, я не должен был оставлять его здесь».

– Интересно, очень интересно, – заметил Аврониев.

Поняв смысл замечания Аврониева, Попов попытался разуверить его:

– Но он не мог подойти к цезию. Симанский был около профессора и в операционной, он не входил в процедурную, где мы оставили цезий. Кроме того, это самый близкий сотрудник профессора, и сам Родованов, когда находился в сознании, спрашивал о нем.

– Вы знаете, над чем работал профессор в последнее время? – вдруг спросил Аврониев.

– Я слышал, что он работал над очень важной проблемой – стимуляцией заживления ран.

– А чего он достиг в этой области?

– Не знаю.

– Где работал профессор?

– В институте, в своем кабинете.

Подняв телефонную трубку, Аврониев распорядился просмотреть все бумаги в кабинете профессора и установить наблюдение над институтом.

– Мне кажется, вы заходите слишком далеко, – заметил

Попов.

– Такая уж у меня работа, доктор, – ответил подполковник. – Всегда нужно предполагать самое худшее. В больнице было семь человек, включая привратника. Кто-то из них совершил кражу. Но кто?

Аврониев откинулся на спинку кресла и зажег новую сигарету.

– Преступление совершено с явной целью – самым легким способом избавиться от профессора. Зачем им нужна смерть профессора, и именно сейчас? Личные мотивы, учитывая его возраст, исключаются. Значит, имели в виду его научную деятельность, последние результаты... Здесь видна рука иностранной разведки.

– Очень логично, – заметил Попов. – А я был склонен глядеть на это дело несколько иначе – кража с целью продать очень дорогие проволоочки.

– Такая версия исключена, – возразил следователь. – Кроме вас, никто здесь не знает цены цезия и метода его использования. Кроме того, проволоочки цезия можно применять несколько раз, и преступнику не было нужды выкрадывать их непременно перед самой операцией Родованова, подвергая себя опасности. Он мог спокойно взять их позже, когда они уже не были бы так необходимы. И вы оценили бы их пропажу не столь трагично, не так ли?

Усмехнувшись, доктор Попов сказал:

– Железная логика! Да у вас своя наука!

– Почти наука, доктор. Некоторые называют ее искусством.

– Искусство разгадывать тайны... Зазвонил телефон.

– У телефона Балтов. По какому делу я понадобился в такой поздний час? – притворно сердито говорил физик. – Приходят, будят меня, вытаскивают из кровати и даже помогают одеваться. Что за ночная любезность? – гремел в трубке его голос.

Аврониев выждал, пока физик выскажется до конца, и затем объяснил ему коротко и ясно:

– Послушай, Балтов, нужен аппарат для улавливания радиоактивности. Слышишь меня?

В ответ послышался свист, а затем голос Балтова:

– Уж не начали ли вы производство атомных бомб? Товарищ подполковник, осторожнее! Я сам решительно выступаю за мир, да и физика учит, что все тела стремятся к покою!

– Шутки в сторону, Балтов! Дело очень серьезное. Речь идет о жизни человека. Есть у вас такой аппарат? – Аврониев говорил любезно, но доктор Попов чувствовал, что за его спокойствием скрывается озабоченность.

– Наука имеет все, товарищ Аврониев, кроме аппарата для измерения мозгов дураков. Я принесу тебе счетчик Гейгера!

– А он поможет?

– Аппарат сверхчувствительный, последней модели.

– Так приезжай сейчас же!

– Слушаюсь, товарищ начальник! Аврониев положил трубку и обратился к доктору:

– А вы как будто забыли о своем пациенте? Попов встал и вышел из кабинета. Следователь расположился за столом Попова, взял лист бумаги и карандаш и, написав фамилии всех, кто присутствовал на несостоявшейся операции, задумался. Затем начал рассуждать вслух:

– Кто же совершил кражу? Семь человек... Математики скажут – уравнение с семью неизвестными. Чтобы решить это уравнение, нужно довести его до одного неизвестного... Да... Если бы было время, а то как в шахматной игре – цейтнот! Но посмотрим...

Вдруг вернулся доктор Попов.

– Профессор очень плох, нужно спешить, – сказал он, словно выражая недовольство медлительностью Аврониева.

– Кого вы оставили при нем?

– Никого. Он будет находиться под моим личным наблюдением.

– Вот это правильно!

Попову было неприятно, что этот человек оценивает его поступки. Он привык к почтению и уважению, с которым относились к нему окружающие, и мнение Аврониева задело его самолюбие.

– Вы должны спешить, – снова напомнил он.

– Чтобы не попасть в цейтнот? – усмехнулся Аврониев.

– Не понимаю вас.

– Это термин в шахматной игре, который означает недостаток времени.

– Да, мы не должны терять время.

– А если времени у нас вполне достаточно?.. – с иронией произнес Аврониев, поняв намек доктора.

– О, вы так спокойны, как будто все уже в порядке, – заметил Попов.

– Мне кажется, и вы на операциях не менее спокойны, чем я сейчас.

Аврониев встал и вышел в коридор. Взгляд его скользил по стенам, он легко и бесшумно двигался вперед.

Подполковник стремительно вошел в комнату медицинских сестер. Антонова стояла у окна спиной к двери. Она обернулась и, увидев вошедшего, в знак приветствия кивнула головой. Аврониев незаметно бросил на нее быстрый взгляд. Она была молода, не старше двадцати четырех лет, и красива, пленительно хороша. Подполковник ощутил, что она тоже незаметно, но очень внимательно разглядывает его, словно пытаясь отгадать его мысли. Он почувствовал в ней живой ум, и ему показалось, что она настороже.

Взгляд Аврониева остановился на карманном фонарике, лежавшем на маленьком белом столе посреди комнаты. Подойдя к столу, подполковник взял фонарик и начал небрежно перебрасывать его из руки в руку.

В это время доктор Попов заговорил с сестрой. Она отве-

чала быстро, любезно, но ее внимание было приковано к рукам Аврониева.

На фонарике имелись три кнопки, нажимая на которые можно было освещать предмет красным, зеленым или белым светом. Аврониев заметил, что нажата красная кнопка.

«Зачем им понадобился красный свет?» – подумал подполковник.

– Вы здесь проявляете рентгеновские снимки? – шутливо спросил он сестру.

– Нет, это делается внизу, в лаборатории, – ответил за нее доктор Попов.

– А для других целей вы не применяете красный свет? – Аврониев глядел прямо в красивое лицо Антоновой.

Но она не вздрогнула, спокойно выдержала его взгляд и ответила:

– Нет, ни для каких других целей не применяем.

– Тогда почему же в фонарике установлен красный свет? – наивно улыбнулся он. – Если бы мы были на железнодорожной станции, я бы подумал, что вы закрываете путь поездам при! испорченном семафоре.

– Несколько минут назад я играла с фонариком, – неторопливо ответила Антонова и взглянула на него своими красивыми голубыми глазами.

– Бывает! – сказал Аврониев и засмеялся так, словно был чрезвычайно доволен ответом. – Я еще ребенком любил играть со спичками, но однажды поджег копну соломы и полу-

чил дома такую трепку, что до сих пор ненавижу спички.

Он положил фонарик к себе в карман и вышел из комнаты.

Попов нагнал его в коридоре.

– Можно освободить моих коллег?

– Нет.

– А что будем делать сейчас? – спросил он, глядя, как Аврониев пытается зажечь новую сигарету.

– Ждать. – Аврониев лениво зевнул и чиркнул спичкой.

Антон Балтов, специалист в области ядерной физики, был широко известен в научном мире. С первого взгляда бросалась в глаза его нескладная фигура. Волосы у него поседел, голова ушла в плечи, и ходил он сгорбившись, как старик, но подчеркнуто бодро. На лице у него всегда было такое выражение, будто он в любой момент готов весело пошутить.

С Аврониевым Балтов познакомился еще в тюрьме. Осужденный за коммунистическую деятельность, студент физик Антон Балтов глядел на небо через оконце сырой камеры и вычислял в уме, когда рухнет фашистская держава. Когда она в соответствии с его расчетами была разгромлена, Балтов снова поступил в университет и получил высшее образование, чтобы заниматься более сложными делами. Несмотря на различие профессий, Аврониев и Балтов вместе работали в различных комитетах, и подполковник глубоко уважал честного, пламенного Балтова.

Аврониев встретил друга у входа в больницу.

– Я всегда утверждал, что без физики мир существовать не может! – весело воскликнул Балтов.

Аврониев поздоровался с ним, отдал распоряжение новым сотрудникам, тоже прибывшим в больницу, и повел Юзова и Балтова в кабинет Попова. Несколько равнодушно, но очень ясно и точно он описал им все известные обстоятель-

ства кражи цезия, не высказывая своего мнения.

Лицо у физика потемнело, сразу же стало серьезным, напряженным, он закусил губу и сказал:

– Если цезий здесь, в здании, можешь успокоиться – мы его найдем. Я убежден в этом!

– По недавним сведениям, цезий еще здесь, но я уверен, что делается или будет делаться все, чтобы его вынести... – На мгновение Аврониев замолчал и затем добавил: – И это будет ключом к разгадке.

– Тогда надо спешить. Ведь легче найти здесь, в больнице, чем вне ее, – сказал Йозов.

– Ты совершенно прав. Но видишь ли, для решения этой задачи нам необходимо знать хотя бы одно неизвестное, иначе ничего не выйдет. И мне кажется, что скоро враг даст нам в руки это «неизвестное», – задумчиво сказал Аврониев. – Пришла милиция, ищет цезий, они непременно прореагируют на это. Как? Увидим, – закончил он.

– Итак, каковы наши задачи? – спросил Балтов.

– Задач у нас две. Первая – срочно найти цезий и спасти профессора. Вторая – найти вора, поскольку за его спиной скрывается, вероятно, более крупная фигура.

– Мне кажется, я буду полезен тебе только для решения первой задачи, – заметил физик.

– Как твой аппарат? Хорош? Уловит ли он слабую радиоактивность?

– Полная гарантия. Больше того: если вор не учел, что ме-

таллические предметы, находившиеся вблизи цезия, должны были стать радиоактивными, он в наших руках.

– Превосходно! Давай посмотрим аппарат.

Балтов принес в комнату коробку, похожую на те, в которых хранятся микроскопы, и вынул из нее аппарат. На его передней стенке находилась шкала со стрелкой, как у обыкновенного барометра. Стрелка стояла на нуле. Кнопки и рычажки обеспечивали работу аппарата в различных условиях.

– Думаю, никому, кроме Попова, не следует знать о счетчике, – посоветовал Балтов.

– Это обязательно. Мы должны застать вора врасплох. Что бы ты предложил? – спросил Аврониев, предполагая, что физик уже принял решение.

– Я обойду незаметно все здание – комнаты, кабинеты, затем двор. Может быть, проводочки где-нибудь там. В процедурную и комнату медсестер я не войду. Если ничего не найдем, позовем всех сюда. Аппарат от них скроем. А затем переведем их в другую комнату и снова проверим помещения. Понятно?

– Я согласен. Никто не должен видеть аппарата. И все-таки мне кажется, что любой ценой будет сделана попытка вынести отсюда цезий, если это уже не сделано. Только бы не опоздать! – Аврониев вздохнул, сел за стол Попова и задумался.

Балтов вышел. К нему присоединился высокий лейтенант Чубров, прибывший в больницу по приказу Аврониева.

Осторожно ступая по цементному полу коридора, они бесшумно продвигались вперед.

Аврониев несколько раз разговаривал по телефону, выходил из кабинета и отдавал своим работникам новые распоряжения. Надежда на счетчик Гейгера ободрила Аврониева. «Иначе черт знает, как бы мы отыскали эти четыре волоска», – думал он. Но он был убежден, что преступник неплохо подготовился и что его не так легко застать врасплох.

«Едва ли эта работа доверена глупцу, но, если даже он глуп, мы должны считать его самым умным и самым хитрым...» Аврониев попытался представить себе, что бы он делал на месте вора.

«Как бы я действовал?» – спросил он себя. И ответил: «Во-первых, проник бы сюда под каким-нибудь самым законным, невинным и убедительным предлогом. Во-вторых, кражу совершил бы так, чтобы подозрение пало на другого. В-третьих, как можно скорее избавился бы от проволочек. Например, если они горят, то сжег бы их, или переправил бы как-нибудь за пределы больницы, или подсунул бы в чей-нибудь карман, если бы пришлось спасать свою шкуру. В-четвертых, все делал бы так, чтобы можно было доказать свое алиби. В-пятых, я разыграл бы комедию, изобразив себя человеком, в нравственных качествах которого невозможно усомниться».

Аврониев улыбнулся.

«Это обыкновенный метод работы среднего преступника.

Но есть и другие, более интересные варианты. Например, такой метод дерзкого преступника: привлечь внимание следствия на себя, а затем ловко переложить вину на другого... Да, но в это я не верю, гораздо вероятнее первый вариант. Затем, почему бы преступнику не работать с помощником? Почему бы не быть здесь какой-нибудь продажной душой, которая за деньги могла бы оказать ему эту услугу? Это очень вероятно!»

Подполковник с нетерпением ожидал результатов проверки. Но когда физик и Чубров вернулись, он даже не спросил о результатах. По их лицам было видно, что ничего не найдено. Занятые своими мыслями, они долго молчали. Первым нарушил молчание Аврониев. – Одно ясно: цель этой кражи – убить профессора и передать иностранной разведке результаты его последних научных исследований. Я узнал, что за несколько дней до своей болезни он сделал открытие огромной практической ценности. Мы должны его спасти, спасти любой ценой! – Аврониев произнес последние слова с той непоколебимой решительностью, которая поразила Балтова еще в те дни, когда Аврониева допрашивали в полицейских участках.

– Начнем! Чубров, позови Попова, его надо предупредить, – приказал он.

– Допрос для пробы счетчика, – добавил Балтов.

Когда хирург пришел, подполковник задал ему вопрос:

– Как больной?

– Все так же плохо, необходимо спешить.

– Не стало ли ему хуже, чем в тот день, когда его привезли сюда?

– Да.

– Кто наблюдал за ним?

– Доктор Васильев.

– Васильев? – повторил Аврониев и приказал Чуброву привести доктора Горанова.

В процедурной, где находились все задержанные, кроме сестры и ночной няни, которая спала внизу, царила тягостная тишина. Врачи смотрели друг на друга с нескрываемым сомнением и беспокойством. Мысль о том, что здесь вор, тот, кто убивал профессора, вызвала в них дрожь недоверия и отвращения. Дружеское расположение, с которым раньше каждый относился к своим коллегам, исчезло.

– Какая гадость! Просто можно провалиться сквозь землю от срама, – говорил доктор Горанов, бросая на всех гневные, подозрительные взгляды. – Ведь мы врачи, интеллигентные люди, и среди нас случилось такое, что несовместимо с совестью врача, с гражданским долгом... Это позор! – волновался он и сжимал кулаки, словно собирался вступить с кем-то в драку.

– Хотел бы я, чтобы это была ошибка, – пытался успокоить себя серьезно испуганный доктор Калчев.

– Какая там ошибка... Это крупное дело, вот увидите! – вмешался в разговор Симанский, протирая стекла своих очков. Он давно уже перестал тревожиться за судьбу профессора и сейчас говорил совершенно спокойно.

– Позор! – повторял Горанов. – Жутко представить, что цезий найдут у кого-нибудь из нас. Что вы думаете? Это так страшно, чудовищно, позорно...

– Да, вор должен радоваться, если на его долю выпадет только позор и срам, но мне кажется, что он отправится на тот свет раньше профессора! – со злой иронией перебил Горанова Симанский.

– Я все равно не верю, что может случиться такая отвратительная вещь, – испуганно настаивал доктор Калчев.

Только Васильев сердито молчал. Забинтованная рука у него болела, и самые мрачные мысли не выходили из головы.

«Значит, – думал он, – Антонова поддерживает тайное знакомство с этой жирной мордой, с этим истеричным типом... Почему они скрывают? Зачем тот солгал? Отчего она никогда не говорила мне о нем? Наконец, почему она не оттолкнула меня, если с ней этот тип... Или же здесь кроется что-то другое, чего я не могу понять?»

Вошел доктор Попов.

– Коллеги, – сказал он, – я вас очень прошу: во время допроса постарайтесь сделать все, чтобы помочь разоблачить вора.

– Будет допрос? – спросил Калчев.

– А вы что думали? – взглянул на него Симанский. – На прием вас не пригласят.

– Все же... нас можно было бы и не подозревать, – пожал плечами Калчев, которого оскорбляло подозрение.

Симанский засмеялся.

Васильев вообще не реагировал на это сообщение. Он продолжал размышлять, припоминал свои последние встре-

чи и разговоры с красивой медсестрой, анализировал слова и мысли и не находил никаких признаков ее неискренности.

Когда доктора Горанова вызвали на допрос, Симанский подошел к Васильеву и сказал:

– Помните, дорогой друг, я вам говорил, что враг подкапывается под жизнь профессора. Выходит, это была не пустая фантазия, и в моей голове есть кое-какой умишко...

Васильев окинул его острым взглядом и ответил:

– Да, вы очень умны!

– Не вижу причины для иронии, – смутился Симанский.

– Я тоже не вижу причины, зачем вы напоминаете, как вы умны и какая богатая у вас фантазия. Зато у вас неважная память, – заметил он, намекая на то, что Симанский скрыл свое знакомство с Антоновой.

– Артериосклероз в вашем возрасте – редкое явление! – добавил доктор Калчев, невольно оказавшийся свидетелем их разговора.

Васильев усмехнулся и замолчал.

Через три – четыре минуты вернулся Горанов, и, трепеща от волнения и страха, на допрос пошел Калчев.

Горанов сердито сопел и ходил по комнате, не находя себе места.

– О чем вас спрашивали? – небрежно поинтересовался Симанский и, вынув из кармана маленький ножичек, начал чистить ногти.

– Ни о чем особенном, – ответил старый врач. Видимо, он

был не намерен ни о чем рассказывать.

– Понимаю, – многозначительно улыбнулся Симанский. – Но не понимаю, почему вас не отвели в другую комнату и вообще почему нас держат здесь вместе. Это не в нашей практике ведения следствий!

– Выходит, вы хорошо знакомы со следственной практикой, – сухо заметил Горанов.

– Да, слышал кое-что. Да ведь это не тайна... – сказал Симанский.

Вновь наступило молчание. Горанов продолжал шагать по комнате.

– Как здесь душно! – произнес Симанский и открыл окно. Он облокотился на подоконник и, глядя в окно, продолжал забавляться ножичком.

Через две минуты вернулся Калчев, и вместе с Чубровым на допрос пошел Симанский.

– Неприятная история, невольно чувствуешь себя преступником! – охрипшим от волнения голосом тихо произнес бледный как мел Калчев. – И главное – исчезло самое необходимое и как раз перед операцией! А что если бы мы уже вскрыли череп?

– Закрыли бы его и ждали, – сказал Горанов.

– Шутки в сторону! Честное слово, ничего особенного мне не сказали и почти не спрашивали, но я чувствую себя соучастником кражи.

Васильев продолжал молчать, и Калчев вопросительно взглянул на него.

– Ты, коллега, не беспокойся! Они приятные люди.

– Кто они? – как бы очнувшись ото сна, спросил Васильев.

– Следователи.

– А...

Стало прохладно, и Калчев решил закрыть окно. Закрывая его, он воскликнул:

– Посмотрите-ка! Наш ассистентик притворяется спокойным, а сам от страха забыл на подоконнике свой нож!

Он взял нож в руки и начал рассматривать его.

– Чудесный ножик. Посеребренный. У меня всегда была слабость к хорошим ножам, я даже коллекционирую их.

Вскоре вернулся Симанский и еще в дверях, засмеявшись, сказал:

– Здорово прощупывают! Вот увидите, обязательно найдут цезий! Тот, полный, с бритой головой, очень интересный человек. Сразу видно, что на этом деле собаку съел. Расспрашивал меня о разных мелочах, но видно, что понимает... Интеллигентный человек.

– И все же интересно, куда же делся этот чертов цезий? – спросил Горанов, когда Васильев выходил из комнаты.

– Одно бесспорно, – ответил ему Симанский: – человек, который взял его, сделал это с недобрым намерением. Здесь видна рука того, кто заинтересован в смерти профессора. Только так можно объяснить кражу!

– Вы забыли свой нож, – сказал Калчев, протягивая его Симанскому.

– Благодарю вас, тут обо всем забудешь. Этот нож – подарок профессора, и мне было бы очень жаль потерять его. – Симанский раскрыл нож, показал своим собеседникам все

его лезвия, сложил и снова убрал в карман.

– Все это выглядело бы очень интересно и даже забавно, если бы не опасное состояние профессора, – вернулся к прежней мысли Калчев.

– Какая там забава, доктор? Это ужас! – резко возразил Симанский. – Идиот, который взял цезий, заслуживает виселицы.

– А что если цезий распался так, сам по себе? Например, ускорился радиоактивный распад, и металл исчез, прежде чем его успели взять? – снова задал вопрос Калчев, всегда с недоверием относившийся к химико-физическим законам.

– Таких фокусов в атомной физике не бывает, – рассмеялся Симанский и затем спросил: – А почему не видно сестры? Где она?

– Она в комнате дежурных. Вероятно, ее уже допросили, – ответил Калчев.

– Они очень быстро задавали вопросы, – заметил Симанский и, встав перед открытым окном спиной к остальным, вынул зажигалку, взял в рот сигарету и закурил ее. – Хоть бы скорее нашли цезий! – сказал он и повернулся лицом к доктору Калчеву.

Когда Васильев вышел из комнаты, Аврониев обратился к Балтову:

– Да, дорогой, вор не такой глупец, чтобы войти сюда с цезием в кармане. Он предугадал наши намерения и благополучно избавился от цезия.

– Но я же везде искал, – возразил Балтов.

– А в процедурной, где все задержанные?

– Я был около двери. Если цезий внутри, аппарат уловил бы его. Этот цезий достаточно радиоактивен... Если только вор не спрятал цезий в плотную металлическую или толстую свинцовую обертку или не оставил где-нибудь вне здания. Но это только временно спасет его, так как и металлическая обертка станет радиоактивной...

– Гм... Да... Обыск – самое легкое дело, – сказал Аврониев. – А ты искал под окнами, во дворе?

– Конечно.

Аврониев поднялся со стула, погасил дымящуюся сигарету и тихо, как бы самому себе, сказал:

– Тогда мы его схватим. Чудес не бывает...

В этот момент где-то совсем близко раздался треск мотора. Удаляясь, он постепенно смолк. Аврониев мгновенно выбежал из комнаты, оставив своих помощников в недоумении.

– Чубров! – закричал он, – Сейчас же проверь, что это за машина! И пусть зайдет доктор Попов!

Он вернулся в комнату и неожиданно спросил Балтова:

– Значит, если вор спрятал проволоочки в металлический предмет, их труднее обнаружить твоим аппаратом?

– Да, но через некоторое время металлический предмет тоже станет радиоактивным, и эта можно будет обнаружить аппаратом, – ответил. Балтов.

– Значит, если я спрячу проволочку в свои часы, сами часы станут радиоактивными?

– Да, конечно. Вторичная радиоактивность» будет слабее, но счетчик, несомненно, обнаружит ее на расстоянии нескольких метров.

– О, это очень интересно! Вошли Чубров и Попов.

Растерявшись сначала после пропажи цезия, доктор снова овладел собой, и к нему вернулось прежнее спокойствие и уверенность. Очень внушительный в своем белом докторском халате, он подошел к Аврониеву.

– Что это была за машина? – спросил его подполковник.

– Из управления по очистке улиц. Она забрала мусор во дворе нашей больницы. Во двор она въехала вместе с одной из наших машин, и-потому вы ее не заметили.

– Но почему она приехала так поздно? Я не слышал, чтобы мусор убирали ночью.

– Этого я не знаю.

– А раньше у вас случалось, чтобы мусор вывозили в такое

позднее время?

– За время моей работы этого не бывало, – уверенно ответил главный хирург.

Аврониев прищурил глаза и вдруг рассмеялся.

– Выдали себя! – воскликнул он. – Наконец-то выдали себя! Я этого ожидал. Другим способом нельзя было проникнуть во двор, и они воспользовались машиной для вывозки мусора.

Все глядели на него с удивлением.

– Мы ищем цезий здесь, а они уже вывезли его. Быстро машину, Чубров! – Аврониев начал застегивать плащ.

– Куда из больницы вывозят мусор? – спросил он Попова, который смотрел на него с открытым недоверием.

– Не знаю, но сейчас скажу, – произнес доктор и вышел из комнаты. Казалось, теперь он был убежден в неспособности следователя.

– Мусор находится в помещении, расположенном как раз под окном процедурной, не так ли? – спросил Аврониев своего помощника.

– Так точно, там! – подтвердил Чубров, не менее других удивленный наблюдательностью начальника.

– Ей-богу, – заявил Балтов, – совершенно не могу тебя понять, словно ты говоришь на языке пушту. Заставляешь меня рыскать со счетчиком, людей допрашиваешь без всякого обыска, а в заключение вдруг бросаешься за какой-то случайной машиной!

– Случайной! – иронически повторил Аврониев. – А я думаю, что не случайной... И вообще нас часто выручают такие «случайности»!

Попов вернулся и с холодной вежливостью сообщил:

– Мусор вывозится за город и сваливается во многих местах прямо в поле. Говорят, там есть специальные ямы.

Аврониев отдал распоряжение своим людям, оставшимся в больнице. Затем он вышел во двор, нашел место, куда сваливали мусор, и взглянул наверх. Как раз над ним светилось окно процедурной. Ему показалось, что в окне мелькнул силуэт Симанского.

– Случайность! – снова повторил он и покачал головой.

Через несколько минут Аврониев, Балтов, Чубров и два милиционера выехали на мусорную свалку. Балтов держал на коленях аппарат.

Дождь по-прежнему лил как из ведра. На шоссе стояли лужи, а в кюветах бурлили ручьи.

Машина летела с бешеной скоростью – таков был приказ Аврониева. Все шестеро молчали. Каждый старался разгадать причину, кражи, угрожавшей профессору смертью. Ни с кем из них еще не случалось такого необыкновенного приключения. Разыскивать четыре радиоактивные проволоочки не толще волоса на территории огромного города! Это потруднее, чем искать иголку в стоге сена.

У шлагбаума контрольного поста милиции их ждала машина управления по очистке города, которая при возвращении с мусорной свалки была задержана по приказанию Аврониева. Выскочив из машины на ходу, подполковник вошел в будку контрольного поста. Там находились двое рабочих и шофер из управления по очистке города.

– Кто заставил вас вывозить мусор в такой поздний час? – спросил он.

– Иванов, наш начальник, позвонил по телефону и сказал, чтобы мы обязательно вывезли из больницы мусор, потому что завтра там будет проверка и им может попасть. Он обещал заплатить нам вдвойне за сверхурочное время, и мы согласились, – ответил один из рабочих.

– А по графику когда вы должны были вывозить мусор?

– Завтра рано утром.

– И вы не могли подождать до утра?

– Но мы же вам сказали, что утром будет проверка, – пояснил другой.

– А где свалили мусор?

– В поле для этого сколько угодно места! Там сваливают половину мусора со всей Софии. Мы ссыпаем в большой овраг у реки.

– Можете показать место, куда вывалили мусор?

– В такой темноте... Это нелегкое дело! Там очень много мусора, и его трудно отличить. Ведь это же мусор! Где там узнать, да еще в такой дождь! – объяснил первый рабочий. Он явно хотел как можно скорее избавиться от следователя.

Но другой рабочий заметил:

– Давайте попытаемся, может, найдем. Аврониев взглянул на него и спросил:

– Как тебя зовут?

– Юсуф.

– Ну, Юсуф, залезайте в вашу машину и поезжайте прямо к оврагу! – приказал подполковник.

Дождавшись, когда они выйдут, он позвонил по телефону.

– Иванова! – услышал Балтов голос Аврониева.

Машины двигались по полю мимо редких домов. Столица потонула в непроглядной дождевой ночи. Путь становился все труднее и труднее: кругом была непролазная грязь.

Машины забуксовали и остановились около кучи мусора и

шлака. Влево и вправо от машины виднелись холмики мусора, одни уже разровненные, другие только что насыпанные.

Все вылезли из машины. Дождь продолжал идти, холодный, неприятный.

– Ищите следы! – приказал Аврониев.

– Ничего не видно, следы смыты дождем, – ответил Чубров.

Зажгли карманные фонарики. Везде, куда падал свет, виднелись кучи мусора, белели куски бумаги, блестели еще не заржавевшие консервные банки, темнели отбросы. Пахло гнилыми овощами.

Балтов с отвращением сплюнул и подумал: «Искать цезий в этом болоте! Это просто сумасшествие!».

Свет включенных фар вырывал из темноты только силуэты людей.

– Давайте сюда аппарат и идите вперед, – послышался откуда-то из мрака голос Аврониева.

Один из милиционеров вынул счетчик из футляра и пошел вперед. Балтов последовал за ним, освещая фонариком циферблат счетчика.

Аврониев шел позади.

Лучи света врезались в сплошную завесу дождя. Но никто не обращал внимания на ливень. Вся группа медленно продвигалась в глубь оврага.

– Вспомните, в какую кучу вы свалили мусор? – спросил Аврониев рабочих.

– По-моему, где-то там, дальше. Темно же, товарищ, трудно сказать точно, где свалили. Если бы не связывались с этой мерзостью, сейчас сидели бы в тепле! – сказал первый рабочий.

– Попробуйте припомнить, – сказал Аврониев и, вдруг остановившись, осветил фонариком их лица. – Послушайте, товарищи, – мягко Произнес он, – от этого зависит жизнь человека, очень хорошего человека. Вы должны помочь!

– Да что там, поищем, товарищ, – сказал Юсуф. – Кажется, мы свалили мусор в низине.

И он исчез в темноте.

Прошло уже пятнадцать минут. Рука Балтова начала дрожать от напряжения, свет фонарика тоже дрожал, а стрелка на циферблате аппарата замерла, как заколдованная. Словно призраки, двигались люди по этой пустоши почти без всякой надежды найти драгоценные проволоочки. – Черт бы побрал этот счетчик! – злился физик. – Может быть, он поврежден? Нужно было взять из института два аппарата...

Обошли вдоль и поперек весь овраг, но ничего не обнаружили.

Балтов промок до нитки – он уже чувствовал, как вода стекала по его телу. Встретив рабочих, он не сдержался и раздраженно сказал им:

– Эх вы, глупцы, как это вы не знаете, где сваливали мусор?

– Да как узнать, товарищ! В такой дождь сам черт ничего

не разберет!

Группа приблизилась к яме, откуда доносился сильный запах сероводорода и гниющих овощей.

– Это не то, здесь старая свалка, – сказал кто-то.

– Мусор из больницы, наверное, пахнет лекарствами, – высказал предположение Чубров, который нес аппарат. Руки у него дрожали от усталости и напряжения.

– Еще немного, и мы не будем ощущать никакого запаха – все схватим насморк! – ругался физик.

Аврониев продолжал молча идти позади всех и вглядывался в светлые пятна. Он упорно искал следы машины.

Казалось, поиски были безнадежны.

Вдруг из темноты появился Юсуф, который блуждал где-то в стороне с фонариком Аврониева.

– Эй, товарищ, – обратился он к подполковнику, – я, кажется, нашел место, куда мы вывалили мусор!

Все остановились.

– Где? Говори скорей! – бросился к нему Балтов.

– Там, в низине. Идите за мной!

Вся группа бросилась за рабочим. Спотыкаясь, увязая в грязи и шлаке, падая, ругаясь, все бежали вперед. Мусорная яма появилась перед ними так неожиданно, что они едва не попадали в нее. Чубров с аппаратом в руках только чудом удержался на краю.

Балтов держал фонарик так, чтобы свет падал на шкалу аппарата. Все, у кого были фонари, направили лучи света на

циферблат счетчика.

– Ничего нет! – мрачно произнес физик и, повернувшись к Юсуфу, добавил: – Ты, братец, что-то спутал.

– Да здесь же, здесь мы проезжали! – настаивал Юсуф.

В разговор вмешался Аврониев.

– Чубров, а ну-ка пройди с аппаратом чуть-чуть вперед. Наклонись! – скомандовал он.

Чубров прошел вперед и наклонился над обрывом.

– Смотрите! – закричал Балтов.

– Ах! – хором воскликнули все.

Стрелка на циферблате слегка качнулась и | отклонилась на одно деление вправо.

– Еще вперед, Чубров! Осторожно, не упали! – отдал команду Аврониев. В его голосе слышалось волнение.

Лейтенант спустил обе ноги в яму и с трудом удерживался, чтобы не упасть.

– Отклоняется! Отклоняется! – кричали все. Дрожа от возбуждения, Балтов думал:

«Только бы не что-нибудь другое!».

Вдруг Чубров соскользнул по мокрому шлаку и вместе с аппаратом полетел вниз.

– Ушибся? – закричал сверху Аврониев и прыгнул вслед за ним, освещая дно ямы фонариком.

Края ямы были пологими, а глубина не превышала двух метров. Подполковник прыгнул удачно, быстро поднялся и бросился к Чуброву. Чтобы предохранить аппарат от повре-

ждения, тот упал на спину, держа счетчик над собой. Аврониев осветил шкалу и, всегда такой спокойный, сдержанный, едва сдержал крик. Стрелка дрожала на последнем делении циферблата. Сильная радиоактивность!

Один за другим все спрыгнули вниз. Никто из них еще никогда не испытывал такого волнения. Спасительных проволочек не видно, никто не знал, как их найти в горе мусора, но они здесь, это несомненно. А остальное сделает счетчик! Сейчас все свято верили в аппарат, от которого зависела судьба человека.

Люди бросились разрывать размокший от дождя мусор. Лучи всех фонариков слились в одно большое светлое пятно. Пока рабочие ходили за лопатами, Балтов нашел в куче старых бинтов первую проволочку. Чубров нашел вторую и третью.

Но где же четвертая?

Они обыскали все, но четвертой проволочки не было. Балтов догадался распорядиться, чтобы к машине унесли три найденные проволочки. Стрелка счетчика медленно возвратилась к нулю, и он понял, что четвертой проволочки в яме нет.

Она была где-то в другом месте.

– Поехали! – приказал Аврониев.

Люди пошли к машинам. Аврониев приблизился к Балтову и тихо прошептал:

– Дела поправляются. Сейчас у нас появился еще один со-

юзник!

– Кто же это?

– Четвертая проволочка.

– Ты думаешь, что ее нет здесь не случайно?

– Думаю, что она выдаст нам вора! Он взял проволочку себе как доказательство успешной кражи. Может быть, он должен отчитаться кому-то. Или же, если он умнее, он решил сбить нас со следа и подложил ее кому-нибудь другому, чтобы мы поймали его с поличным. Но и первый, и второй варианты нас устраивают. Он запомнит эти поиски цезия!

Аврониев был возбужден, как охотник, который приближается к дичи и предчувствует, что она не уйдет от него.

Подполковник Аврониев, Балтов и Йозов находились в кабинете главного хирурга, а в коридоре стоял Чубров. Другие оперативные работники окружили здание больницы. Подполковник был убежден, что преступник и четвертая проволочка находятся в больнице.

«Если преступник пытался избавиться от проволочек, значит, он почувствовал опасность. И эта опасность останется, пока он находится в здании больницы. Иначе он ни за что не выбросил бы проволочки. Тогда нельзя было бы объяснить, зачем он оставил себе четвертую проволочку, – размышлял Аврониев. – Если я прав, то преступник здесь».

Операция началась как раз вовремя. Попову ассистировали только доктор Горанов и сестра Антонова, которых Аврониев вынужден был временно освободить.

Размышляя о случившемся, Аврониев пришел к выводу, что преступником мог быть только один из трех – Васильев, Симанский или Антонова и что вор не обошелся без помощника. Кто был вором и кто помощником – об этом приходилось пока только гадать.

Йозов предполагал, что присутствие в больнице Симанского не случайно и очень подозрительно.

Балтов колебался – может быть, кража совершена не работником больницы, и вся эта история является результатом

простой случайности?

В первую очередь они занялись допросом Калчева. Под столом находился счетчик Гейгера, установленный так, что его видели только Аврониев и Балтов, а допрашиваемый даже и не подозревал о его существовании.

Сначала Калчев был очень испуган, но теперь, когда проволочки нашлись, успокоился и подробно рассказал обо всем, что случилось в этот вечер. Его рассказ убедил всех троих, что кражу совершил не он.

Допрос вел Аврониев. Он внимательно вслушивался в каждое слово врача, заставляя его повторять известные из первого допроса вещи. Йозов стенографировал.

Между прочим, Калчев вспомнил о том, что у Васильева плохое настроение. Аврониев спросил:

– Скажите, что вы знаете об отношениях между ним и медсестрой Антоновой?

– Как вам сказать, – Калчев пожал плечами. – Не люблю распространяться на эту тему, но большинству известно, что они дружат, любят друг друга... В какой стадии все это, не знаю. Васильев несколько вспыльчив и мнителен, но таким сердитым, как сегодня, я еще не видел его...

– Не поссорились ли они сегодня?

– Не знаю, но вряд ли, потому что Васильев не отходил от кровати Родованова, а потом поехал за цезием. В это время Антонова готовила операционную, и они едва ли виделись долго.

– Значит, причина плохого настроения Васильева иная?

– Не знаю. Я застал его вместе с Симанским.

– Когда вы увидели Симанского?

– Когда пришел в палату заменить Васильева, который должен был ехать за цезием.

– Тогда у него было хорошее настроение?

– Да, неплохое.

– А когда вы заметили, что он на кого-то сердит?

– Примерно через полчаса после того, как они вернулись, за несколько минут до исчезновения цезия.

– Это интересно! – шепнул Балтов следователю. – Нужно разобраться в причине этой странной раздражительности...

– Вы свободны, – сказал Аврониев Калчеву.

– Могу ли быть полезен чем-нибудь еще? – спросил Калчев.

– Пока нет.

– Очень интересно! – произнес Аврониев, когда Калчев вышел.

Позвонил телефон, и подполковник поднял трубку.

– Да, да! Ясно. Да! – кратко ответил он и тихо сообщил Балтову: – Начальник управления по очистке города Иванов сегодня вечером не отдавал распоряжения о вывозе мусора из больницы.

– Да ну?! – удивился Балтов, все еще склонный думать, что проволоочки попали в мусорную яму случайно.

– Кто же тогда звонил? – обратился Йозов к Аврониеву.

– Выходит, кто-то другой выдал себя за Иванова. Этот же человек знал, что проволоочки будут выброшены в мусорный бункер. Известили его об этом из здания больницы, так как преступник не мог знать, в какой комнате мы его задержим и откуда он сможет выбросить проволоочки. Так как все были задержаны, совершенно исключается, что проволоочки были украдены и выброшены посторонним лицом. Следовательно, из больницы каким-то образом передавались сигналы!

Аврониев говорил спокойно, и рассуждения его были очень убедительны.

– Но как? Как передавались? – спросил Иозов.

– Карманным фонариком медсестры Антоновой, – произнес Аврониев. – Хорошие снимки она промывала! Но все же они слишком рано бросили цезий в мусор. И почему сигнализация велась не из процедурной?

Балтов был изумлен находчивостью и пытливостью своего друга.

– Кто? Кто? Кто? – задавал себе вопрос Аврониев и стискивал руками голову. – Дело запутано, но мне кажется, что мы приближаемся к разгадке. А с помощью четвертой проволоочки они непременно попытаются замести следы. В этом я теперь не сомневаюсь.

– Произвести новую проверку со счетчиком? – спросил физик.

– Нет, не нужно. Четвертая проволоочка цезия появится здесь. Запомни это. Они сами принесут ее сюда, чтобы вы-

кинуть какой-нибудь номер. – Аврониев постучал кулаком по столу.

Наступило молчание.

– Знаешь что? Из всех я склонен подозревать только Симанского, – вдруг произнес Балтов.

Аврониев рассмеялся.

– Это не трудно предположить, но трудно обосновать, потому что нет абсолютно никаких улик. Во-первых, Симанский не имел доступа к цезию, так как он ни разу не входил в процедурную. Во-вторых, он друг профессора, его доверенное лицо, самый близкий человек. Что странного в том, что он захотел присутствовать при операции? Он получил официальное разрешение, – подполковник поглядел на своих товарищей. – Но, вопреки этим фактам, мы имеем все основания подозревать его. Мое внимание всегда привлекали хорошо подобранные факты. Я убежден, что часто за видимым алиби скрывается преступление. И все же, хотя мы можем подозревать кого угодно, но до тех пор, пока у нас нет доказательств, мы ничего не можем предпринять.

– Но если исключи Симанского, остается только Васильев, – напомнил Балтов.

– У него безупречная общественная и научная репутация, – добавил Йозов, который навел справки обо всех задержанных.

– Верно, но на допросе все подчеркивали, что сегодня у Васильева внезапно испортилось настроение. И это случи-

лось за несколько минут до кражи. Он был не в себе, хотел уйти, ему не работалось, он даже чуть не нагрубил доктору Попову. И вообще он изменился. Меня интересует, что испортило ему настроение. Выходит, он или знает что-то, или же сам запутан в этой истории, — сказал Аврониев.

— По-моему, Васильев мог бы рассказать нам многое, — заметил Балтов.

— Это мы проверим, — Аврониев встал и вышел в коридор, по которому продолжал ходить Чубров. — Я пойду посмотреть, как идет операция. Когда вернусь, пригласи ко мне Васильева.

Набросив на плечи белый халат, подполковник тихо открыл дверь в операционную. На мгновение он зажмурился от яркого света.

Слышалось только позвякивание хирургических инструментов и тяжелое дыхание больного. Склонившись над открытой черепной коробкой, профессора, доктор Попов перевязывал кровоточащий сосуд и одновременно делал облечение. Доктор Горанов молча помогал ему. Было ясно, что операция очень сложная. Все молчали, никто не производил ни малейшего шума, словно боясь, что любой звук может помешать работе.

Горанов бросил на вошедшего недовольный взгляд: даже здесь не оставляют его в покое!

Увидев подполковника, Антонова вздрогнула и протянула доктору Попову не тот инструмент, который был нужен ему.

– Внимательнее, сестра! – шепотом заметил главный хирург.

Но сестра, казалось, еще больше смутилась. Она протянула опять не тот инструмент. Попов нервно отбросил его и сам взял нужный инструмент.

Аврониев заметил это, припомнил также сцену с фонариком... Затем подошел к ней и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Не нужно нервничать, сестра! Краска разлилась по ее лицу. Не владея собой, она отвернулась и начала искать какое-то! лекарство.

– Как больной? – тихо спросил Аврониев.

– Пока удовлетворительно, – шепотом ответил главный хирург, – теперь кровоизлияние уже не так опасно.

Аврониев улыбнулся. Затеи, полюбовавшись искусной работой Попова, на цыпочках удалился.

В это время Калчев вошел в комнату, где оставались Симанский и Васильев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.